

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В СЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ XVI–XVII ВЕКОВ

Čeprav so bile zgodnje slovanske slovnice normativni opisi jezikov, so se njihovi avtorji dotikali tem, ki sedaj spadajo k primerjalnemu jezikoslovju. Glavne izmed njih so: (1) sezname slovanskih jezikov in narečij, (2) glasovni ustrezniki, (3) vprašanje splošnoslovanskega prajezika in (4) rodovne klasifikacije.

Although the early Slavic grammars and articles were normative descriptions of languages, their authors touched on the themes which now belong to the comparative linguistics. The main ones are: (1) lists of the Slavic languages and dialects; (2) sound correspondences; (3) the question of the common Slavic proto-language; (4) the genealogical classification.

0 Вопрос о «предыстории» науки, о предшествующем этапе определенной концепции или методологии вызывает в последние годы особый интерес лингвистической историографии. Понятие »precursorism« 'предшествование' включается в систему базисных категорий истории науки¹. По-видимому, повышенное внимание к «предыстории» явилось реакцией на получившие широкую известность идеи Т. Куна, трактующего историю науки как смену научных парадигм². Подчеркнуто дискретный характер развития науки в изображении Т. Куна противоречит множеству хорошо известных фактов, которые издавна затрудняли любые периодизации истории знания. Понятие «прекурсоризма» отчасти и отражает психологически объяснимое стремление историков «смены парадигм» восстановить связь времен. В историографии каждой науки и национальной научной традиции эта интенция ощутима в той мере, в какой живо в них гуманитарное начало.

Память о предшественниках постоянно присутствовала в научном творчестве Якоба Риглера³, сообщая картинам исторического процесса глубину и одухотворенность.

В истории науки, когда речь заходит о гениальных догадках «задолго до...» или о выдающихся «предшественниках», нередко возникает вопрос: может быть, в таком случае лучше говорить не о «предыстории», а о «начале» истории, не о «предшественнике», а о «зачинателе»? Например, может

¹ См., например, материалы славистической конференции 1984 г. *Prekursorzy słowiańskiego językoznawstwa porównawczego (do końca XVII wieku)*. (Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź 1987.)

² Kuhn T., *The structure of scientific revolutions*, Chicago, 1962.

³ См. в особенности такие труды, как *Začetki slovenskega knjižnega jezika* (Ljubljana, 1968); *Über die Sprache der slowenischen Schriftsteller des 16. Jahrhunderts* (работа 1968 г., ее словенский перевод в кн.: Rigler J. *Razprave o slovenskem jeziku*, Ljubljana, 1986, s. 17–39); *Problematika naglaševanja v slovenskem knjižnem jeziku* (*Jezik in slovstvo* 13 [1968], št. 6); *O zgodovini klasificiranja slovenskih dialektov* (*Slavistična revija* 23 [1975], št. 1); Primož Trubar (*Slovenski biografski leksikon* 4, 13. zv., Ljubljana, 1982).

быть, прав О. М. Бодянский, профессор славистики Московского университета в 40–60-х гг. прошлого века, когда называл Юрия Крижанича «отцом сравнительной славянской филологии»⁴? Но тогда можно указать и более отдаленные истоки сравнительного подхода – например, рассказ начальной русской летописи (20-е гг. XII в.) о том, как «словѣне разидошася по земль и прозвашася имены своими». Летописец Нестор подробно, с причинными обоснованиями и относительной хронологией рассказывает о расселении славян: названы 15 славянских племен, соседние финские и балтийские племена. Здесь же высказана хронологически первая и не забытая в науке до сих пор гипотеза о прародине славян: у Нестора это Дунай, что, кстати, согласуется с некоторыми древнейшими письменными источниками (надпись на Пейтингеровой карте конца 3 в. н. э.). Не это ли подступы к генеалогической классификации языков?

Несомненно, что со времен Ветхого завета существует культурно-познавательная традиция внимания к родству языков и народов. Однако трудно объединить ее с историей сравнительного языкознания: мешают представления о качественном и принципиальном своеобразии научных эпох.

В XVI–XVII вв. появляются первые грамматики славянских языков: *Grammatyka Česká w dwogij stránce. Orthographia przedkem... Etymologia potom* (W Náměšti 1533) Бенеша Оптата, Петра Гзеля и Вацлава Филомата; *Polonicae grammatices institutio* (Cracoviae 1568) Петра Статориуса-Стоеньского; рукописная *Grammatyka česka* Яна Благослава (1571); *Grammatica bohémica studiosis eius linguae utilissima* (Praha 1577) Матвея (Филонома) Бенешовского; грамматика словенского языка *Arcticae horulae succisivae* (Wittenberg 1584) Адама Бохорича; хорватская грамматика Бартоломея Кашича *Institutionum linguae illyricae libri duo* (Roma 1604); первые восточнославянские грамматики церковнославянского языка – Αδελφότης. Грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка (Львов 1591). Грамматика словенска Лаврентия Зизания (Вильна 1596), Грамматики славенския правилное синтагма Мелетия Смотрицкого (Евье 1619), а также рукописные статьи по церковнославянской орфографии и грамматике, известные по изданию И. В. Ягича⁵.

В этот же ряд памятников могут быть включены грамматические сочинения Юрия Крижанича: написанный в Москве, еще до ссылки в Сибирь, орфографический трактат *Објасњење виводно о писмъ словѣнском* (1661)⁶ и написанное в Тобольске *Граматично изказанје о руском језику* (1666)⁷ – грамматика-проект искусственного славянского языка, который создавался Крижаничем в качестве общего для всех славян книжно-письменного языка. Естественно, однако, что сочинения Крижанича стоят особняком по

⁴ Бодянский О. М., Предисловие. – В кн.: *Граматично изказанје об Руском језику* попа Журка Крижанича... лита 1666. Изд. О. М. Бодянского. Москва 1859, с. X, XIX.

⁵ Ягич И. В., *Рассуждения русской и южнославянской старины о церковнославянском языке*. – В кн.: *Исследования по русскому языку*. Т. I. Санкт-Петербург, 1885–1895.

⁶ Опубликовано в кн.: *Собрание сочинений Юрия Крижанича*. Издание В. Колосова. Вып. I. Москва 1891, с. 27–72.

⁷ Опубликовано О. М. Бодянским (см. сноску 4).

отношению ко всем славянским грамматическим традициям – как с точки зрения языка-объекта и метаязыка, так и в плане особой культурной и лингвистической ориентации автора.

Все указанные грамматики и грамматические статьи представляли собой нормативные синхронические описания языков. Однако в силу разных обстоятельств и, конечно, в разной мере их авторы затрагивали темы, которые сейчас принадлежат сравнительно-историческому языкознанию. Это следующие темы: 1) демонстрация языкового разнообразия, при этом изначально присутствует мысль о родстве славянских языков; 2) поиски звуковых соответствий в славянских языках; 3) попытки определить древнейший славянский язык; 4) генеалогическая классификация славянских языков.

1 Ренессансный интерес к разнообразию языков и диалектов (своего рода лингвистический коррелят географическим открытиям) побуждал славянских грамматистов включать в грамматики перечни славянских языков и диалектов, сообщать известия о древности и расселении славянских народов, приводить параллельные, старинные или диалектные тексты. Самый подробный для XVI в. перечень славянских языков и диалектов дан в чешской грамматике Бенешовского. Он пишет:

»Naším jazykem slovanským mluví: Česká, moravská, slezská, lužická, první polská, druhá polská země, mazurská, podleská, první ruská, bílá rus, volynská, podolská, kyjovská, syverská, kašubská a jiné mnohé v království polském. Potom v knížectví mozkovském krajiny mnohé, v národu srbském pod Turkem také mnoho zemí, v království uherském a království dalmatském, charvatském, bulgarském, lyburnském, slovanském, bosniatském. Všichni tito národové jediného jazyka slovanského užívají«⁸.

О внутренних взаимоотношениях славянских языков одним из первых писал Благовослав. Он считал, что чешский язык ближе к польскому, чем к словацкому; к словацкому он относил и язык хорватов, распространенный, по его мнению, от Венгрии и Константинополя по всему Средиземному морю до Африки⁹. Благовослав первым записывает славянский фольклорный текст: в главе грамматики о славянских наречиях он приводит украинскую народную песню (правда, Благовослав считал ее южнославянской). Бенешовский пытался определить степень родства языков выдвигая критерий их взаимопонятности для говорящих. Статориус различал кроме собственно польского наречия Кракова и краковских земель (т. е. малопольского наречия в современной терминологии) еще три наречия на земле Речи Посполитой (Mazoviticum, Ruthenicum, Litvani), заметил мазурение¹⁰ и, таким образом, заявил о себе не только как первый грамматист, но и первый диалектолог польского языка. Бохорич в полном заглавии своей грамматики и затем

⁸ Ягич И. В., История славянской филологии. Санкт-Петербург, 1910, с. 21.

⁹ Ягич И. В., История..., с. 44–45.

¹⁰ Kuraszkiewicz W., Olesch R., Vorwort, in: Petrus Statorius. Polonicae grammatices institutio. Nunc iterum edidit R. Olesch. Wien, Köln 1980 (= Slavistische Forschungen, Bd. 26), S. XIX–XXII, XXXIV.

в предисловии указывает, что благодаря близости славянских языков его *Arcticae horulae succisivae de latinocarniolana literatura* могут помочь изучению не только «краньского» (carniolana), но и других славянских наречий: »...Unde Moshoviticae, Rutenicae, Polonicae, Boëmicae et Lusaticae lingvae, cum Dalmatica et Croatica cognatio, facile deprehenditur«¹¹. Частично его грамматика и составлена как введение в изучение различных славянских языков. Например, в разделе *De orthographia* приводятся четыре графических системы: *Cyrilica, rutenica (et moscovitica), glagolitica (seu croatica) latinoCarniolana* (т. е. словенская на латинской графической основе). О кириллице сказано, что ее используют при дворе турецкого императора янычары, все боснийцы, а также *Ruteni et Moschovitae*¹². Отмечая близость кириллицы и «рутеники» (следующего вида письма), Бохорич вместе с тем считает ее самостоятельной графической системой. *Rutenica*, какой она представлена у Бохорича, – это графика на кириллической основе, но с другим рисунком букв, возникшим под несомненным влиянием антиквы, – таким шрифтом напечатана в 1517 г. в Праге Библия руска Франциска Скорины. Следовательно, Бохорич первым стал различать кириллицу и тот тип письма, который позже назовут «русской азбукой» («гражданкой»).

Вслед за орфографией Бохорич приводит в шести параллельных столбцах *Отче наш* на шести славянских языках: *Cyrilica lingua* (восточнославянский текст), *Croatica, Polonica, Boemica, Lusatica, Carniolana*, причем сказано, что с *Croatica* больше всего схожи *Rutenica* и *Moshovitica*¹³. Это хронологически третье¹⁴ и для XVI в. самое полное собрание славянских *Отче наш*. Как показал П. Зволинский, словенский текст молитвы был специально контаминирован Бохоричем с тем, чтобы сделать более наглядной близость славянских языков¹⁵. Бохорич знал «Митридат», но чешский текст у него не по Геснеру, а записан по слуху, по-видимому, от чешских студентов Виттенбергского университета. По-видимому, аналогичного происхождения польский и лужицкий тексты молитвы. Источники восточнославянского и хорватского текста не установлены.

2 В поисках звуковых соответствий замечательно далеко пошел Юрий Крижанич. В «Обясньенје виводном...», опережая свое время на полтора века, Крижанич увидел некоторые принципиальные для компаративистики

¹¹ Adam Bohorizh, *Arcticae horulae succisivae, Zimske urice proste. Prevedel in spremno študijo napisal Jože Toporišič*. Maribor, 1987, Титульный лист.

¹² Adam Bohorizh. *Arcticae horulae...*, f. 24 vrs. В Западной и Центральной Европе XV–XVII вв. (например, у Теодора Библиандера, Яна Мончиньского, Петра Статориуса-Стоенского, Иоанна Ужевича) этноним *ruteni*, наряду с *rusi* и *goxolani* обозначал украинцев и белорусов вместе в отличие от *moschovitae* 'московиты, великорусы'.

¹³ Adam Bohorizh, *Arcticae horulae...*, f. 58 vrs.

¹⁴ После *De ratione communi omnium linguarum et literarum commentarius* (Цюрих 1548) Теодора Библиандера и *Mithridates. De differentiis linguarum tum veterum tum quae hodie apud diversas nationes in toto orbe terrarum in usu sunt* (Цюрих 1555) Конрада Геснера. См.: Ягич И. В. История славянской филологии. Санкт-Петербург, 1910, с. 16–17.

¹⁵ Zwoliński P., *Trzy wersje słowieńskiego »Ojczenasza« z r. 1584*. *Pamiętnik Słowiański* 18, 1968.

фонетические соответствия. Так, он указал, что древнему *ъ* соответствуют в хорватском *и*, в сербском *ие*, в русском *ие* или *е*, в польском *а*, *а*, *е*, *ие*¹⁶. При этом Крижанич принял во внимание не только основные, но и периферийные рефлексy *ъ*: диалектное дифтонгическое *ие* для русского (древненогородская особенность) и диалектное (украинско-польское) *ие* для польского языка. Крижанич, далее, знал, что у «задунайцев» (т. е. южных славян) на месте древнего *А* произносится *е*, у русских *а* после мягкого согласного, у поляков – носовой гласный: «/.../ *А* Русом смагает *ЈА*, *Задунајцем Е*, *Лехом ИЕН*, они бо за *Святиъ*, *Пят*, *Девят* говорят *Свиенти*, *Пиенти*, *Дъвиентиъ*»¹⁷. Крижанич демонстрировал межславянские различия в произношении прежних слоговых *г* и *ѣ*; ср. фрагмент сопоставлений для *г*: «Чехом: *смрт*, *брз*; Русом: *смерт*, *бѣрз*; Лехом: *смѣртъ*, *бѣрзо*; Сербом: *смѣрт*, *бѣрз*; Харватом: *смѣрт*, *бѣрз*» и далее – общеславянская реконструкция: «Общено: *смѣрт*, *бѣрз*»¹⁸.

В анонимной восточнославянской рукописной статье *Ин превод* (конец XVI или начало XVII в.) проникательно указано на «гугнивый» (т. е. назальный) характер звука, обозначавшегося *Ѣ*, и на то, что он введен в азбуку «ради поляц»¹⁹. Несмотря на смешение временных срезов, это замечательное сопоставление, опередившее время на два века. Как известно, назальность звуков, обозначавшихся юсами, и их коррелятивность польским носовым, были заново открыты в 1820 г. А. Х. Востоковым²⁰. Даже современникам Востокова сближение юсов с носовыми казалось невероятно рискованной гипотезой, едва ли не курьезом. Е. Копитар в письме *Й. Добровскому* думал, что Добровский будет смеяться над этим сопоставлением; еще в 1824 г. Добровский не был убежден в верности открытия Востокова, а Копитар, издавая в 1836 г. *Glagolita Clozianus*, писал о юсах как о чистых гласных²¹. Между тем старинные книжники об этом догадывались еще на рубеже XVI–XVII вв.

3 Общим источником славянских языков признавался язык, на котором написаны древнейшие богослужебные книги славян. Однако ареально-диалектная основа этого языка определялась по-разному. Благослав видел ее в болгарском языке; восточнославянские книжники считали церковнославянский язык (*словенский* или *славенский*) по происхождению сербским, а некоторые болгарским²²; Б. А. Успенский допускает, что это мнение в конечном счете шло от южных славян.

¹⁶ Собрание сочинений Юрия Крижанича..., Вып. I, с. 41.

¹⁷ Собрание сочинений Юрия Крижанича..., Вып. I, с. 41.

¹⁸ Собрание сочинений Юрия Крижанича..., Вып. I, с. 63.

¹⁹ Цит. по публикации И. В. Ягича в *Рассуждениях*..., с. 696.

²⁰ Востоков А. Х., *Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим онаго письменным памятникам.* – Труды Общества любителей российской словесности, ч. 17, 1820, с. 42–53.

²¹ Ягич И. В., *История*..., с. 130–131, 203.

²² Толстой Н. И., *Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI–XVII вв.)* – Вопросы русского языкознания. Вып. I. Москва

Вместе с тем довольно распространена была и точка зрения, согласно которой древнейший славянский язык – русский. Еще в 1415 г. это мнение высказал Константин Костенечский – младший современник Евфимия Тырновского, бежавший от турок в Сербию и здесь написавший Сказание изъясленно о писменех. Вот как он представлял отношение первоучителей к разным славянским языкам: «/.../ проразсудивше добрии они и дивнии мужие и избравше тьнчаишии и красньишии рускый языкъ, къ нему же помощь въдасе българскыйи и сръбскыйи и босньскыйи и словънскыйи и чешскаго чеси и хръватскыйи языкъ, въ еже въмъстити божественаа писаниа»²³. Взгляд на русский язык как на язык первых славянских переводов не был только легендой; в определенной мере это и результат сопоставления языков. И. В. Ягич указывал, что Константин «знал русский язык и это... знание производило на него в сравнении с сербским языком такое впечатление, что русский язык гораздо ближе к церковнославянскому, чем сербский»²⁴. Русский язык, в глазах южнославянских книжников был лишен тех черт «испорченности» древнего языка, которые наблюдались в южнославянском ареале (например, в русском изводе церковнославянского сохранялись падежи, простое будущее; не смешивались буквы *ы* и *и* и т. д.; и напротив, для русских книжников классикой были южнославянские тексты, поскольку в них сохранялись значимые для восточных славян признаки древнего письменного языка например, простые претериты)²⁵.

Русский язык считали древнейшим из славянских языков знаменитый польский историк и поэт Матвей Стрыйковский (*Kronika polska, litewska, zmodzka, u wszystkich Rusi /.../, Krolowec, 1582*); участник английского посольства в Москву Джильс Флетчер (*Of the Russe Common Wealth /.../, London, 1591*)²⁶; по-видимому, также Адам Бохорич – судя по тому, что в своей грамматике из шести славянских Отче наш он помещает на первом месте (в левом столбце, под рубрикой *Cyrilica*) восточнославянский текст. Во второй половине XVII в. о русском языке как о древнейшем из славянских писал в предисловии к своему трактату *Граматично изказанје о Руском језику* Юрий Крижанич: «Измеджу всих пак тих народних предилов, наистарије и осталим всим зачално јест људство и јме Руско /.../; сие не Руска отмина Словинскије отмини плод: него Словинска, и Чешска, и Лешска отмина јесут Руского језика отродки»²⁷.

Таким образом, взгляд на русский язык как на древнейший славянский язык был достаточно устойчив и распространен. По-видимому, в такой диахронический вывод трансформировался ряд наблюдений славянской книжно-

1976, с. 194; Успенский Б. А., Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века. Москва 1985, 107–109.

²³ Цит. по публикации И. В. Ягича в *Рассуждениях...*, с. 396.

²⁴ Ягич И. В., *Рассуждения...*, с. 378.

²⁵ Подробно см.: Живов В. М., Роль русского церковнославянского в истории славянских литературных языков. – В. кн.: Актуальные проблемы славянского языкознания, Москва 1988, с. 64–66.

²⁶ Успенский Б. А., Из истории..., с. 109.

²⁷ *Граматично изказанје...*, Предговорје, с. I–II.

сти XV–XVII вв. Во-первых, осознавалось, что книжный язык Руси наиболее близок древнему церковному славянскому языку. Это было верное осознание теснейшей преемственности (прежде всего лексико-фразеологической) между старославянской и церковнославянско-русской письменностью. Во-вторых, в славянском мире, по-видимому было осознано то, что в XVI–XVII вв. ведущую роль в церковнославянской письменности стали играть восточнославянские центры (в то время как прежде, начиная с IX в., – южнославянские). Очевидно, богатство церковнославянской письменности на славянском востоке ощущалось как свидетельство исконности церковнославянского языка на Руси. В-третьих, сторонние, но заинтересованные наблюдатели легко могли видеть, что церковнославянская книжность, культура церковнославянского языка получает государственную поддержку именно в Московской Руси. Все это укрепляло мнение о русском языке как о древнейшем из славянских²⁸.

4 К статье Ин превод в двух списках примыкает фрагмент Повѣсть собравшаго сѣя буквы, в котором содержится генеалогическая группировка славянских языков и диалектов, поразительная по точности для XVI–XVII вв. Один из списков, как указывает его издатель М. П. Петровский, читается в соловецкой рукописи Предословие грамматицъ, которое входит в тот же сборник, что и Донатус Дмитрия Герасимова и Простословие Евдокима. Эти обстоятельства позволяют допустить, что по времени Повѣсть не слишком удалена от соседних сочинений, т. е. принадлежит XVI в.²⁹. Её второй список (XVII в.) издан И. В. Ягичем в Рассуждениях... с разночтениями по списку М. П. Петровского.

По теме Повѣсть собравшаго сѣя буквы продолжает Ин превод, где речь шла о звуковых различиях между греческим и славянским, а также о различиях внутри славянских языков и о причинах различий. Повѣсть выделяет три группы славянских языков, внутри которых различия не очень сильны (*не до зела*): «Русиа, в нейж порознилися не многим Москва, Понизкое, Вятчане, Пермичи, Белоозеряне, великии Новград, Псков съвера, Литовская Русь, Подолия, Воляня. А другая часть словен Сербь, Болгары, Волоси. А третья часть Чехове, Гусарове, Мозовляне, Подгоряне, Подоляне, Меделяне и инии мнози во всьх частех, иже зьло мало порознилися, понеж град и пословица особны»³⁰. Судя по подробности перечня великорусских и именно северных

²⁸ О том, насколько трудным был вопрос о диалектной базе церковнославянского языка еще в XVIII в., говорит тот факт, что Ломоносов считал церковнославянский по происхождению древним моравским языком (*antiqua Moravica lingua*); см. Ломоносов М. В., Замечания на диссертацию Г.–Ф. Миллера Происхождение имени и народа Российского (раздел III, 1750 г.). – В кн.: Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747–1765 гг. Москва–Ленинград 1952, с. 50; его же, Отзыв о плане работ А. Л. Шлёцера (1764 г.). – В кн.: Ломоносов М. В., Полное собрание сочинений. Т. 9. Служебные документы 1742–1765 гг. Москва–Ленинград 1955, с. 412, 415.

²⁹ Петровский М. П., Старинное рассуждение О буквах сиречь о словах. По рукописи библиотеки Казанского университета. Санкт-Петербург 1888, с. IV–V (= Памятники древней письменности, 73).

³⁰ Цит. по изданию И. В. Ягича в Рассуждениях..., с. 699.

земель, Повесть составлена в Московской Руси и ее связь с Соловецким монастырем не случайна. Заметно также, что автор слышал больше о польских диалектах, чем о южнославянских. Объединение «волохов» (т. е. романского населения Балканского полуострова) с сербами и болгарами соответствует единству культового языка этих народов – церковнославянского. Не ясно, как понимал автор взаимоотношения названий *Подолія* и *Подольне*, отнесенных к разным группам. По-видимому, имеется в виду одна историческая область в бассейне Южного Буга и левобережья Днестра – Подольская земля, территориально разделенная между Великим княжеством Литовским и Польшей.

Сам по себе список славянских языков и диалектов в Повести собравшегося буквы не так подробен, как, например, в Повести временных лет или в Митридите К. Геснера, где перечислены по алфавиту 60 народов, говорящих будто бы «по-иллирски» (т. е. по-славянски); в их число включены между прочим и Hungari, Litvani, Livi, Moldavi, Permi, Vuagrij³¹. Повесть собравшегося буквы замечательна не длиной перечня славянских племен, а тем, что здесь впервые в Европе указаны три генеалогические ветви славянских языков.

И. В. Ягич в Истории славянской филологии показывает, как в разных странах Европы в XVI–XVII вв. ученые, дипломаты, миссионеры пытались определить родственные взаимоотношения славянских языков. Дело не шло дальше перечней (но не классификаций), сравнительно подробных, когда речь шла о родных или хорошо знакомых землях, и приблизительных, порой фантастических по мере удаления от них. Цесарский дипломат Сигизмунд Герберштейн волею судеб был связан со славянским миром: он родился в Словении и с детства знал словенский язык; дважды был послом в Москве; неоднократно издавались его Записки о московитских делах (1549). Здесь между прочим перечислены народы, говорящие на славянском языке. Это «далматы, боснийцы, хорваты, истрийцы и фриульцы, потом краинцы (Carni), карниолы (Carniolani), каринтийцы до реки Дравы, штирийцы южнее Граца, по Муре до Дуная, далее мизийцы, сербы, болгары и другие до Константинополя³²; далее богемцы, лужичане, силезцы, мораване, затем поляки и русские, пятигорские черкесы и, наконец, в Германии за Лабой остатки вандалов. Выдающийся польский лексикограф Ян Мончиньский в 1564 г. причислял к славянам гунов, аваров, куманов. Ян Благовослав относил к славянским языкам наряду с московским часть татарского. Англичанин Г. Блунт в 1636 г. причислял боснийцев к тевтонскому племени из-за их высокого роста. Не удивительно, что еще Добровский, в 1792 г. путешествуя по России, думал разузнавать о связи кавказских чеченцев и чехов.³³

Эти факты показывают, насколько значителен для XVI в. тот результат, который содержится в Повести собравшегося буквы. Однако это сочинение осталось неизвестным последующей традиции.

³¹ Ягич И. В., История..., с. 17.

³² Ягич И. В., История..., с. 14.

³³ Ягич И. В., История..., с. 23, 45, 61, 113.

В XVII в. ближе всех к верным представлениям о трех группах славянских языков был Юрий Крижанич. Видя общий источник славянских языков в русском, он связывал разделение языков с миграцией славян с востока на запад: вначале переселились за Дунай «Болгари, Сербляни, Хервати, и ови троји послидњи общим себи именом зовутсе Словинци и Задунаици». Позже по другую сторону Дуная поселились поляки и чехи: «А јни пак загони Рускогоже народа пошедши от востока на запад, обседоше по сеь стране Дунаја, въ разнитих державах: и основаше Лешско и Муравско, илити Чешско краљства»³⁴. Но и эти мысли Крижанича о трех ветвях «словинского» языка, погребенные в царских архивах, остались неизвестными современникам.

О родословной славянских языков размышлял Ломоносов. В материалах к Российской грамматике (1755) сохранился такой фрагмент: «Языки от славенского произошли: 1) российской, 2) польской, 3) болгарской, 4) сербской, 5) чешской, 6) словакской, 7) «вандальской» вендской». В самой грамматике перечислены «три главных российских диалекта»: *московский, северный, украинский*; в материалах к грамматике они же названы *московской, поморской, малороссийской*. В Предисловии о пользе книг церковных в российском языке говорится, что русский язык «сходнее» с языками «живущих за Дунаем народов славенского поколения, которые греческого исповедания держатся, /.../ нежели польский, невзирая на безразрывную нашу с Польшею пограничность»³⁵. Представляется, что в этих перечнях Ломоносова не содержится мысли о трех группах славянских языков.

До Добровского и Востокова генеалогические связи славянских языков оставались неясными, но и в их работах еще не говорится о трех группах славянских языков; они различают две группы: 1) южно- и восточнославянскую и 2) западнославянскую (если употреблять современную номенклатуру; у Востокова в Рассуждении о славянском языке – восточнославянские и западнославянские языки). Различение трех групп (также еще в другой терминологии: 1) русские славяне, 2) западные славяне южная ветвь, 3) западные славяне северная ветвь) появляется в лекционных славистических курсах И. И. Срезневского (Харьков 1842; Санкт-Петербург 1847 и последующие годы)³⁶. Таким образом, разделение славян на три языковых группы, о котором славянские книжники догадывались в XVI в., стало общепринятым спустя два с половиной века.

5 Элементы компаративистики в славянской книжности XVI–XVII вв. все же не позволяют говорить о «зарождении» или «начале» сравнительно-исторического языкознания. Эти догадки и озарения не составляют устойчивого направления в лингвистических интересах XVI–XVII вв. Всё это не более, чем разрозненные и периферийные вкрапления в принципиально иную па-

³⁴ Граматично изказанје..., Предговорје, с. 1.

³⁵ Ломоносов М. В., Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. Москва–Ленинград 1952, с. 609, 430, 608, 590.

³⁶ Подробнее см.: Ягич И. В., История..., с. 466–469.

радигму лингвистического знания, в которой господствует нормативно-описательный и синхронно-классифицирующий подход к языку. Именно с этим подходом связаны основные достижения лингвистической традиции XVI–XVII вв. По отношению к современной описательной грамматике, к ее теории и практике, грамматики XVI–XVII вв. можно с основанием считать началом национальных традиций описательных грамматик, т. е. первым этапом в истории этого направления лингвистической работы.

Что касается догадок и предвосхищений сравнительно-исторического характера в грамматической литературе XVI–XVII вв., то они не стали началом традиции компаративистики в новое время или даже ближайшим стимулом таких исследований. И все же эти элементы «предкомпаративистики» сыграли свою роль в истории знания: они питали не лингвистическую, а более широкую культурно-познавательную традицию – извечный интерес людей к родству народов и языков.

POVZETEK

Prve slovanske slovnice: češkega jezika B. Optata, P. Gzelja, V. Filomata 1533, J. Blahoslava 1571, M. Benešovskega 1577; slovenskega A. Bohoriča 1584; vzhodnoslovanske slovnice cerkvenoslovanskega jezika L. Zizanija 1596, M. Smotrickega 1619, pa tudi rokopisni slovnični sestavki – so bili normativni enočasijski opisi jezikov. Zaradi raznih okoliščin pa so se v njih delno obravnavale tudi tvarine, ki sedaj pripadajo primerjalno-zgodovinskemu jezikoslovju. To je krog obvestil, znan slovanski književnosti 16. do 17. stol. o naslednjih primerjalno-zgodovinskih tvarinah: 1. sezname slovanskih jezikov in narečij, 2. glasovni ustrezniki, 3. vprašanje praslovanskega jezika, 4. rodovna klasifikacija jezikov.

1. Renesnančno zanimanje za pisanost jezikov je slovnice prineslo naštevanja slovanskih jezikov, narečij, sestavov pisav, pa tudi take ali drugačne prikaze medsebojnih razlik. Najpopolnejša zbirka v 16. stol. slovanskih vzporednih besedil in obvestilo o štirih slovanskih sestavih pisav je v Bohoričevi slovnici.

2. V vzhodnoslovanskem sestavku »In prevod« je stari nosnik označen kot »gugniv« in opozorjeno je, da je v abecedo prišel »zaradi Poljakov«; Križanič je opozoril na ustreznike jata in zložne zvočnike.

3. Blahoslav je za najstarejši slovanski jezik imel bolgarščino, vzhodnoslovanski pisci pa srbščino ali bolgarščino; Konstatin Kosteneški, Matvej Strykovski, Jurij Križanič ter Adam Bohorič pa ruščino.

4. Znamenit poizkus rodovne klasifikacije slovanskih jezikov je v delu *Povest' sobravšago sija bukvy*: tu so prvič v Evropi prikazane tri rodovne skupine slovanskih jezikov. Vendar se je na to odkritje pozabilo; znova se pojavlja v slavističnih tečajih I. I. Sreznevskega (programa 1842 in 1847).